

Ши Чу молчал. Дома он обычно автоматически подключался к домашнему Wi-Fi, а в университете переключался на мобильный интернет. Слова Цзян Хаояня звучали безупречно, но это был не тот ответ, который он хотел услышать.

Раньше он считал, что их отношения с Цзян Хаоянем — это просто обычные отношения однокурсников. Однако в последнее время его «забота» явно выходила за рамки обычной дружбы. У Ши Чу с детства не было близких друзей, и он не знал, как должны развиваться нормальные дружеские отношения. Но поведение Цзян Хаояня — эти едва уловимые намёки и уклончивые подходы — вызывало у него дискомфорт.

В университете Цинь Юй тоже проявлял к нему необычное внимание, но тогда это не вызывало у Ши Чу таких неясных и неприятных ощущений. Возможно, дело в том, что Цинь Юй всегда выражал свои мысли и эмоции открыто, и перед Ши Чу была чёткая дорога, по которой он мог идти, если хотел.

Но сейчас, общаясь с Цзян Хаоянем, он чувствовал себя так, будто блуждал в густом тумане. Он не мог понять его намерений и мог лишь интуитивно ощущать, что впереди таится какая-то опасность.

Эта мысль заставила Ши Чу на мгновение застыть. Он вдруг осознал, что, возможно, слишком долго провёл с Цинь Юем и привык к его открытому и прямолинейному стилю общения. Именно поэтому намерения других людей, которые он не мог понять, вызывали у него раздражение.

Но многое из того, что он думал, было лишь предположениями. Цзян Хаоянь на самом деле ничего плохого не сделал, и сейчас Ши Чу не следовало бы проявлять к нему невежливость лишь из-за своих сомнений.

С тяжёлым вздохом он сел на пол рядом с Цзян Хаоянем, скрестив ноги. Он не стал садиться на стул, потому что тот был выше табуретки, на которой сидел Цзян Хаоянь. Вид сверху мог бы создать ощущение давления и заставить собеседника напрячься, а Ши Чу не хотел, чтобы их разговор проходил в такой обстановке.

— Прости, брат Цзян. В последнее время у меня плохое настроение, я не хотел тебя обидеть.

Глаза Ши Чу были красивыми, с лёгким опущением внешних уголков, что придавало его взгляду особую невинность, когда он поднимал их на собеседника.

Цзян Хаоянь, встретившись с этим взглядом, словно увидел послушную добычу, и его поза стала более расслабленной. Он мягко спросил:

— Что случилось? В лаборатории у тебя меньше всего потерь.

— Я... — Ши Чу замялся, начал говорить, но затем снова замолчал, на его лице появилось выражение смущения.

Подождав немного и не услышав продолжения, Цзян Хаоянь осторожно спросил:

— Это из-за Цинь Юя?

Ши Чу открыл рот, взглянул на Цзян Хаояня и тут же опустил взгляд, его лицо стало мрачным. Через мгновение он едва заметно кивнул. Затем, словно пытаясь быстро сменить тему, он огляделся, взял со стола лист бумаги и спросил:

— Кстати, брат Цзян, эти данные я всё время...

Цзян Хаоянь схватил его за запястье.

Рука Ши Чу замерла в воздухе.

— Ой, прости, — Цзян Хаоянь отпустил его руку и неспешно пошутил. — Сейчас у меня голова болит от данных. Я пришёл сюда, чтобы отдохнуть, так что не загружай меня работой.

— Но, — он протянул руку, указательный и большой пальцы обозначили небольшое расстояние, — ты сильно похудел. Запястье у тебя стало таким же тонким, как у моей сестры.

Ши Чу горько усмехнулся:

— Не преувеличивай.

— Если будешь худеть дальше, это уже не будет преувеличением, — Цзян Хаоянь перестал шутить и слегка наклонился к Ши Чу. — Так что, что случилось с Цинь Юем?

Ши Чу сдержал желание отодвинуться и начал постепенно, перемешивая правду с ложью, рассказывать о своих переживаниях последних дней. Сначала он упомянул, что в последнее время между ним и Цинь Юем царит холодная атмосфера, затем намекнул, что после пожара в лаборатории они почти не разговаривали, и наконец, вздохнув, сказал, что не понимает, в чём дело.

Он выглядел так, будто действительно хотел поделиться своими переживаниями.

Закончив, он сделал вид, что сожалеет о том, что утруждает Цзян Хаояня такими пустяками.

Получить полезную информацию от Цзян Хаояня было гораздо сложнее, чем от Цинь Юя, но именно это Ши Чу умел делать лучше всего. С детства он привык к тому, что общение с людьми — это игра в кошки-мышки, где истинные чувства скрыты под множеством слоёв, как самый ценный приз, который нельзя просто так отдать. Поэтому, когда он встретил такого прямолинейного человека, как Цинь Юй, он был ошеломлён и не мог привыкнуть.

Не каждый мог быть таким, как Цинь Юй.

Как и следовало ожидать, когда Ши Чу бросил вопрос Цзян Хаояню, тот начал анализировать возможные проблемы в их отношениях, исходя из своих собственных представлений. Ши Чу же, основываясь на его ответах, решал, что сказать дальше. Казалось, что это Цзян Хаоянь подталкивает Ши Чу к тому, чтобы тот раскрыл свои истинные чувства, но на самом деле именно Ши Чу использовал себя как приманку, чтобы вынудить Цзян Хаояня раскрыть свои намерения.

Вскоре Ши Чу уловил нечто важное.

Цзян Хаоянь был предвзят к Цинь Юю. В его словах сквозило пренебрежительное отношение, словно он считал Цинь Юя человеком, который «не знает, что такое трудности».

Он намеренно изображал Цинь Юя эгоистичным, своевольным и неспособным понимать важность вещей.

— Но ты не переживай, Цинь Юй и мы — это совершенно разные люди. Он, наверное, не понимает, почему мы готовы отдать свои жизни ради лаборатории, — Цзян Хаоянь усмехнулся,

наблюдая за выражением лица Ши Чу, и продолжил. — Некоторые люди просто так устроены: они получают слишком много и считают, что всё должно идти так, как они хотят. Они не думают о других и не заботятся о том, в каком положении находятся окружающие.

— Ши Чу, когда отношения начинают тебя слишком утомлять, тебе нужно серьёзно задуматься о том, что они тебе приносят.

С объективной точки зрения, некоторые слова Цзян Хаояня были не лишены смысла, и сам Ши Чу всегда так думал. Когда отношения становятся обузой, нужно решительно отпустить их.

Он всегда так считал, и за все годы, что он провёл с Цинь Юем, это мнение не изменилось.

Но сейчас, услышав эти слова из чужих уст, он вдруг осознал, что Цинь Юй всегда уважал его мнение. Если отбросить его собственные внутренние терзания, в общении с Цинь Юем он не чувствовал такой изнурительной усталости.

Напротив, именно эти уклончивые и запутанные разговоры с Цзян Хаоянем заставляли его чувствовать себя опустошённым.

А что насчёт Цинь Юя? Чувствовал ли он усталость, общаясь с ним?

Эта мысль вызвала у Ши Чу чувство тяжести на душе. Он почти не слышал, что говорил Цзян Хаоянь дальше, и только когда тот замолчал, он вернулся к реальности.

— Он иногда действительно бывает таким... В день пожара мы были заняты в лаборатории, он звонил мне много раз, но я не отвечал. Не знаю, может быть, он из-за этого рассердился.

— Правда? — Цзян Хаоянь слегка улыбнулся. — А он что-то сказал, когда ты вернулся?

Ши Чу задумался:

— Ничего особенного. О, он сказал, чтобы в следующий раз, если что-то случится, я обращался к тебе, а не к нему. Странно. Он ничего обидного тебе не сказал, правда? Если что, я извинюсь за него.

Тон Ши Чу был настолько естественным, что Цзян Хаоянь машинально вспомнил их разговор с Цинь Юем в тот день. Он подумал, что это может быть хорошим моментом, чтобы углубить пропасть между Ши Чу и Цинь Юем, и приготовился ответить:

— В тот день он сказал...

Но только начав говорить, он внезапно замолчал.

Выражение лица Ши Чу не изменилось, но при более внимательном взгляде можно было заметить, что его глаза уже не были такими мягкими, как раньше.

Голос Цзян Хаояня стал тише на два тона:

— Ты меня проверяешь?

Подозрения Ши Чу подтвердились, и он не мог сдержать своего нетерпения. Ему нужно было узнать, связано ли отношение Цинь Юя с этим звонком.

— На самом деле, не нужно было так усложнять. Запись того разговора всё ещё есть, и если у

меня есть вопросы, я могу спросить Цинь Юя напрямую, — голос Ши Чу стал глухим, он кашлянул и продолжил. — Но я не могу спросить, потому что Цинь Юй расстался со мной.

Ши Чу пристально посмотрел на Цзян Хаояня:

— Брат Цзян, ты, возможно, увидел, что я был занят, и поэтому ответил на звонок. Но после этого отношение Цинь Юя действительно изменилось. Так что, что ты ему сказал?

<http://bllate.org/book/16893/1566450>